

ды деятельности, которые коммерческая организация с иностранными инвестициями намерена осуществлять.

Следует также констатировать значительные изменения в предоставлении льгот и преференций для данных организаций после вступления в силу Закона Республики Беларусь от 5 августа 2004 г. N 313-З О внесении изменений и дополнений в Инвестиционный кодекс Республики Беларусь. Кроме того, в соответствии со ст.3 Закона Республики Беларусь 8 ноября 1994 г. N 3373-ХІІ «Об аудиторской деятельности» на коммерческие организации с иностранными инвестициями возложена дополнительная обязанность по ежегодному проведению обязательного аудита достоверности годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Тем не менее, полагаем, что на основании ст.80 Инвестиционного кодекса Республики Беларусь коммерческие организации с иностранными инвестициями обладают общей правоспособностью.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь 7 декабря 1998 г. N 218-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008
2. Инвестиционный кодекс Республики Беларусь 22 июня 2001 г. N 37-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008
3. Об упорядочении государственной регистрации и ликвидации (прекращения деятельности) субъектов хозяйствования: Декрет Президента Республики Беларусь 16 марта 1999 г. N 11: в ред. Декрета Президента Республики Беларусь 17 декабря 2007 г. N 8 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008
4. О внесении изменений и дополнений в декрет Президента Республики Беларусь от 16 марта 1999 г. N 11: Декрет Президента Республики Беларусь 17 декабря 2007 г. N 8 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 22.12.2007. – N 304. – 1/9214

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

Т. Н. Кузьменкова

Настоящая работа посвящена исследованию особенностей и наиболее острых проблем в применении мер пресечения, связанных с лишением свободы.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее по тексту – УПК) не делит меры пресечения на связанные и несвязанные с лишением свободы. Данная классификация проводится в научных источниках [5, с.260; 11, с.4; 13, с.252; 14, с.195]. В данной работе рассматри-

ваются именно связанные с лишением свободы меры – заключение под стражу и домашний арест – как наиболее ограничивающие одно из важнейших конституционных прав граждан, т.е. их личную свободу [9, с.30].

Применение домашнего ареста и заключения под стражу на практике порой вызывает сложности, а домашний арест не стал пока популярной мерой пресечения, хотя является альтернативой содержанию под стражей в СИЗО. Рассмотрим некоторые аспекты их применения.

1. ДОМАШНИЙ АРЕСТ

В соответствии со ст. 125 УПК домашний арест заключается в изоляции подозреваемого или обвиняемого от общества без содержания его под стражей, но с применением правоограничений, определенных прокурором или его заместителем [3, ч.1 ст.125]. Ч. 2 ст.125 УПК устанавливает неисчерпывающий перечень таких ограничений. Рассмотрим те из них, применение которых достаточно затруднительно на практике.

1. Запрет выхода из жилища полностью или в определенное время. Постоянно находясь дома, лицо не может физически продолжать преступную деятельность. Однако в то же время оно не способно удовлетворять свои нужды: не может работать, покупать продукты, иные необходимые вещи, так как под домашним арестом лицо не обеспечивается государством и поэтому должно заботиться о себе само [10, с.36].

2. Запрет телефонных переговоров, отправления корреспонденции и использования средств связи. Данная мера целесообразна в случаях, когда подозреваемый или обвиняемый могут противодействовать уголовному процессу путем общения на расстоянии с сообщниками, а также свидетелями по делу. Однако в случае, когда обвиняемый или подозреваемый проживает вместе с родственниками или иными близкими лицами, установление подобного запрета не всегда будет эффективным. Важная информация может содержаться не только в отсылаемой обвиняемым корреспонденции, но и в той, которую отправляют проживающие с ним лица. Подвергнуть и этих лиц данному (или вообще какому-нибудь) запрету невозможно, так как они не находятся под домашним арестом [6, с.29].

3. Применение средств контроля и возложение обязанности носить их при себе и обслуживать их работу. Основная проблема состоит в необходимости определения того, что именно следует относить к подобным электронным средствам и как производить контроль. Требуется разработка и внедрение таких средств, а также межведомственной инструкции по их применению [10, с.37]. Примером успешного решения данной проблемы является опыт Швеции, где осуществляется интенсивный надзор с применением электронного мониторинга. На нижней части ноги поднадзорного субъекта закрепляется манжета с передатчиком, направляющим

радиосигналы на компьютер в офис управления исполнения наказания. В компьютер заложен режим для каждого лица: учеба, работа, дом, маршруты передвижения. Если поднадзорный нарушает свое расписание, срабатывает сигнализация. Применение меры в виде домашнего ареста положительно сказалось на динамике преступности. Согласно шведской статистике вновь совершают преступления после отбытия наказания в обычной тюрьме 24 % осужденных, а после домашнего ареста – 13 % [8, с.76]. Использование электронных методов слежения возможно и в белорусской практике для установления контроля за лицом, содержащимся под домашним арестом. Основным препятствием применения подобного рода средств является высокая стоимость данной системы. Так, в еще одном государстве – Швейцарии внедрение системы наблюдения обошлось казне в 20 млн. долларов [8, с.77]. В порядке правового эксперимента на территории Республики Беларусь представляется целесообразным ввести в отдельной области электронную «браслетизацию».

Таким образом, домашний арест может стать альтернативой заключению под стражу как наиболее строгой из мер пресечения. Применение домашнего ареста позволяет уменьшить количество лиц, находящихся в следственных изоляторах, и улучшить условия их содержания.

2. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ

Заключение под стражу (в практике встречается также название «арест») является наиболее строгой из мер пресечения по количеству правоограничений, в наибольшей степени – в отношении личной свободы лица. Международно-правовые акты устанавливают, что арест может быть произведен только с разрешения органа судебной власти, так как данная мера фактически лишает человека свободы [1, пп.1, 3 ст.5; 2, п.3 ст.9].

В нашем УПК процессуальный порядок заключения лица под стражу пока сохраняет иной способ. Ч. 2 ст.119 УПК устанавливает, что на этапе предварительного расследования окончательное решение вопроса об избрании в отношении лица заключения под стражу принадлежит прокурору. Однако прокурор не во всех случаях может объективно рассмотреть этот вопрос, учесть мнение самого обвиняемого или подозреваемого, выслушать его защитника, потерпевшего, иных лиц. Такое решение с максимальным учетом всех обстоятельств дела возможно только в суде в результате рассмотрения в судебном заседании вопроса о необходимости ареста.

В УПК Российской Федерации, вступившем в силу с 1 июля 2002 г., ст.108 устанавливает, что заключение под стражу применяется по судебному решению [4, ч.1 ст.108]. Следует отметить, что при обсуждении нового проекта УПК в России перспектива введения санкционирования судом ареста была предметом острых дискуссий [7, с.10]. В итоге ныне

действующий УПК Российской Федерации в соответствии с международными и конституционными требованиями устанавливает судебный порядок решения вопроса о заключении под стражу.

Как отметил заместитель директора Федеральной Службы исполнения наказаний Российской Федерации В. И. Семенюк, на первоначальном этапе действия нового УПК расчеты на снижение загруженности СИЗО действительно оправдывались. Если до июля 2002 г. в следственные изоляторы России поступало ежемесячно 28–30 тыс. вновь арестованных, то в первый же месяц после вступления УПК в силу их число сократилось практически вдвое – до 16 тыс. человек [12, с.13]. Однако, начиная с ноября 2002 г., численность вновь арестованных возросла: в 2003 г. заключено под стражу ок. 22 тыс., в 2004 г. – 24 тыс., в 2005 г. – 32 тыс., в 2006 г. – более 34 тыс. [15]. Всего же в среднем с СИЗО России ежемесячно поступает около 30 тыс. человек [12, с.13]. Таким образом, количество применяемых судами арестов фактически вернулось на прежний уровень, когда его санкционировали прокуроры, и даже иногда превышает этот уровень. Основную причину многие видят в возросшем числе арестов за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, максимальный срок лишения свободы за которые не превышает пяти лет [15].

Тем не менее, стоит отметить, что по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2002–2006 гг. общее количество зарегистрированных преступлений выросло на 52,6%. В целом же по стране за 2006 год уровень преступности поднялся до показателя 2700,7, что на 223,1 пункта выше, чем за 2005 г. Таким образом, рост числа арестов необходимо оценивать не только как связанный с неэффективностью судебной санкции. На него также оказал влияние общий рост количества совершаемых в государстве преступлений.

Таким образом, при принятии решения о введении судебной санкции в Республике Беларусь, необходимо учитывать ряд факторов, дабы не повторить негативную тенденцию реализации прогрессивных по сути норм УПК о порядке ареста, как это имело место в Российской Федерации. Это потребует тщательной подготовки, как вариант – возможно проведение правового эксперимента на части территории Республики Беларусь.

Литература

1. Конвенция о защите прав человек и основных свобод, 4 ноября 1950 г./Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. 1997. № 1.
2. Международный Пакт о гражданских и политических правах, 19 декабря 1966 г./Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь, 16 июля 1999 г. № 295-З (с изм. и доп.) – Мн.: Амалфея, 2005. 384 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Кодекс Российской Федерации, 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Консультант Плюс: Россия [Электронный ресурс]/ ООО «ЮрСпектр», 2008.
5. *Безлепкин Б.Г.* Уголовный процесс России: учеб. М.: Юристъ, 2004. 730 с.
6. *Бородинов В. В.* Домашний арест «без права переписки» // Российская юстиция. 2007. № 3. с.28–30.
7. *Колоколов Н.* Судебный контроль за арестами // Российская юстиция. 1998. № 3. с.10 – 11.
8. *Мельников В.Ю.* Проблемы применения домашнего ареста как меры пресечения // Журнал российского права. 2007. № 3. с.72 – 80.
9. *Мельников В.Ю.* Применение мер пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых // Российский судья. 2007. № 7. с.29 – 34.
10. *Мытник П., Скрипко Т.* Домашний арест // Судовы веснік. 2001. № 4. с.36 – 38.
11. *Овчинников Ю.Г.* Домашний арест в системе мер уголовно-процессуального пресечения // Следователь. 2003. № 4. с.4 – 9.
12. *Семенюк В.И.* О правовом регулировании заключения под стражу // Российский следователь. 2006. № 10. с.13 – 16.
13. *Смирнов А.В., Калиновский К. Б.* Уголовный процесс: учеб. для вузов/ под общ. ред. А.В.Смирнова. СПб.: Питер, 2004. 697 с.
14. Уголовно-процессуальное право: учеб. для вузов/ Под общ. ред. В. И. Рохлина. СПб.: ЮрЦентрПресс, 2004. 653 с.
15. Интервью с В. Семенюком. / Журнал «Огонек» [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 18 февраля 2008 г. – Режим доступа: <http://www.ogoniok.com/4931/10/>

ФІЗІЯКРАТЫЗМ – АСНОВА РЭФАРМАВАННЯ ГРАМАДСКАГА ЛАДУ XVIII СТАГОДДЗЯ

К. В. Лапуцька, І. Г. Клімовіч

1. У другой палове XVIII стагоддзя на тэрыторыю Беларусі пачалі пранікаць навукова-філасофскія ідэі заходнееўрапейскіх асветнікаў Ф.Вальтера, Ж. Ж. Руссо, Д. Дзідро, Р. Декарта і іншых. Сярод асветнікаў у той час асаблівай папулярнасцю карыстаўся фізіякратызм. Сапраўднай крыніцай багацця фізіякраты лічылі зямлю, сапраўднай прадукцыйнай працай – зямляробскую працу.

2. Фізіякраты прытрымліваліся тэорыі натуральнага права і дагаварнога паходжання дзяржавы. Натуральны парадак яны разглядалі як адзінства фізічнага і маральнага парадку. Як фізічныя законы не могуць быць зменены па волі людзей, так і законы грамадства, якія з іх вынікаюць, з’яўляюцца незалежнымі ад волі і жадання чалавека. Але як і першыя так і другія павінны пазнавацца людзьмі з мэтай ўдасканалення грамадскага жыцця [1].